

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 30, 32, 35, 39, 47, 48 2025 г; 04 2026 г

Ознакомившись с возвышенно-восторженными эпитетами в адрес Саиба Тебризи, я, как и многие, уверена, наши читатели, решила, что косые взгляды и злые языки обошли стороной великого устада. Но не тут-то было.

«Когда Всевышний сподобил любимых чад своих талантом, дьявол подсунил в их окружение ревнивцев и завистников.

Когда возвращавшийся из паломничества в Мекку в Медину поэт посетил и Рум – Малую Азию, придворные интриганы дабы ошеломить его в глазах Шаха Аббаса пустили в ход свои козни. 24-летний Саиб не выдержал исфаганских злопыхательств, и уехал с глаз долой – в Индостан, край легендарный. Он прикипит сердцем к этой стране, будет служить верой и правдой, дорожить как отчим краем.

*Ни рубинов, ни алмазов с Исфагана не вези,
Ты стихи возьми с собою, ими Индостан укрась*

При возвращении из этой страны им владело чувство внутреннего удовлетворения и признательности. Его поэзия снискала симпатии и любовь индийских друзей, – читаем на странице 622.

В XVI-XVII веках в Индию устремились многие поэты из Персии, Средней Азии. И эти пришлые мигранты несли сюда и утверждали новое дыхание, новый стиль. Среди них оказался и Саиб, который стал первопродком и лидером нового пути. Причём таким, что и в Персии, и в Индии его захотели считать своим домашним достоянием.

Однако при всей значительности своего дара, масштабности таланта, он оставался скромным и чутким художником, бережно относящимся к своим учителям и их наследию. Среди этих обожаемых и почитаемых им устатов были такие знаменитости, как Санан, Атар, Захир Фаряби, Авхади Джелаледдин Руми, Саади, Хафиз, Джами, Хаджу, Кирмани и другие сравнительно менее известные поэты. И хотя его сравнивали с Хафизом, сам он не допускал таких амбиций, о чём говорят следующие его строки:

*Средь юющих в этом цветущем саду
Быть стремись газельханом, Хафизу подстать.*

«Это было одним из главных нравственных достоинств – чувство благодарности, признательности к тем, кому он был обязан, благодарная память о них. В том числе и в отношении дорогих его сердцу городов.

Один из сборников стихов, составленных Саибом, он назвал «Ваджиб аль-хифз» – «Заслуживающее запоминание». Здесь поэт собрал стихи, которые он считал самыми проникновенными и изящнейшими. Но в памяти своей он хранил несметное число блестящих стихов других авторов. Он был существом, полным поэзии. Он источал стихи, не только озвучивая их, но стихи таились в нём, когда он хранил молчание.

*Стихия стиха закипает волнением во мне,
Дремлют тайные смыслы в её глубине...*

Лучшие свойства его человеческой и творческой природы обобщил на основе многих антологических сведений М.Тарбият: «Добронравный, городской, доблестный, инициативный, тонко чувствующий мастер поэтических импровизаций...», – сообщает Рафаэль муаллим на страницах 625 – 626.

Далее мы узнаём о том, что Иран слышал о нём добрую молву на протяжении десятилетия издавала, но не мог заполучить его тексты. Здесь смогли прочесть его стихи после их долгой изустной «одиссеи» с чужбины на родину. В тридцатых годах XVII века вернувшийся в Персию поэт-странник не может «бросить якорь» на одном месте.

Наведывается в Тебриз – город, где родился, памяту о котором хранил в сердце всегда.

*Коль Саади из глины ширазской был сотворён,
Из священного праха Тебриза Саиб порождён.*

Здесь он встречается с известным путешественником Эвлия Челеби, точнее, тот свиделся с поэтом.

В «Сайхатнаме» – «Книге странствий» он пишет, что в Тебризе есть 78 поэтов, авторов «Диванов», и перечисляет наиболее ярких, первым называя Саиба. При этом Челеби обозначает точную дату их встречи – 1640 год.

После родного города поэт направляется в Ардебиль, посещает Язд, Кум, Мешед, Казвин и, наконец, прибывает в Исфаган. К тому времени на престоле восседал Шах Аббас II (1642 – 1666), который приглашает Саиба во дворец и удостоивает его высшего почётнейшего звания – велик уш-шуара – властелина поэтов». Но и без этого официального титула Саиб Тебризи являлся первым устатом на всём мусульманском Востоке!

Никто не оспаривал это первенство. Один лишь Саиб мог соперничать с корифеями.

Турецкий учёный, азербайджанец по происхождению Муаллим Наджи в работе «Асами» – «Имена» пи-

сал, что «Диван» Саиба – один из самых прославленных в Руме (Турция – Р.Г.) сборников, и прежде служил учебником, как «Диван» Хафиза.

Но после смерти венценосного Аббаса II над tutti Саибом сгущаются.

При правлении престолонаследника Сафимирзы Сулеймана бесталанные завистники начинают плести вокруг него интриги. Саиб, уставший от их козней, отстраняется от дворца и берётся упорядочить свои рукописи.

Сведения об их объёме разноречивы. Одни сообщают, что наследие его насчитывает 200 тысяч бейтов, другие называют другое число.

На странице 628 узнаём о том, что Мухаммедали Тарбият воочию видел его сборник в 120 тысяч бейтов. Из этого гигантского наследия до наших дней дошла мизерная часть. Конечно, знающие персидский язык имеют возможность более широко ознакомиться с творчеством поэта по иранским изданиям собрания его сочинений. Только малая часть стихов Саиба на фарси переведена на азербайджанский язык».

И то благодаря тому, что за дело взялся выдающийся мастер стиха, учёный, знаток персидского языка Балаш Азероглу, переведивший классика с подлинника. Его переводы из нашей персоязычной классики – одни из лучших... Я сопоставил азербайджанский текст Балаша Азероглу с персидским подлинником – точь-в-точь, и нет ощущения что читаю перевод – читаем на странице 629.

Увы, до нас дошло всего 17 стихотворений Саиба Тебризи на родном языке. И это далеко не всё наследие поэта на азербайджанском языке.

На странице 631 мы узнаем о том, что в современном азербайджанском литературоведении о Саибе первым завёл речь Исмаил Хикмет (1928 год), обозначивший его влияние на ряд старых поэтов Турции примерами из творчества Наби и Годжа Рагиба. Исмаил Хикмет предположил, помимо прочего, связь нашего классика с таригатом «мовлеви».

В одной из своих газелей поэт, как перед алтарём, возносит моление слову:

*Где, в какой душе взойдёт, озарит сиянием слово,
Понимающего толк греет объёмным словом,
Если внемлющих оно не взволнует, не проймёт,
Прогрохочет, протрещит шумом барабанным слово...
Если мучает перо тщетно труженик пера,
Изведёт его вконец разочарованием слово...
Больше всех меня пленит смыслом*

многогранным слово...

*Я лелеял и ласкал, пестовал свою строку.
Птицей воспарило ввысь над мирозданьем слово.
На могиле Искендера, отточившего скрижаль,
Возвещает всей земле имя величанием слово.
Источил перо Саиб, положил с пером главу,
Но оставил он всему миру достоянием слово.*

Иллюстрация к газели Саиба Тебризи.
художник: Сильман Зейналов

В 1676 году в Исфагане Саиб смежил свои глаза навеки. Трудно поверить в исчезновение тех, чья душа продолжат, как сердце, биться в заветном слове. Длительное время державший под своей магией литературный мир на большом пространстве от Кавказа до Средней Азии и Индостана Саиб Тебризи ощущал поприще, которому служил, как призванию, как миссии, вверенную ему Провидением, – пишет автор на страницах 632 – 633.

Он создал множество газелей, касыд и перо, запечатлевшее их на близине страницы, было его неразлучным наперсником.

Для каждого человека на брэнной земле наступает закатная пора, когда друг за другом уходят ровесники, рдеют ряды друзей. Оскудел вокруг и литературный фон. Переживший немало, познавший все лики брэнного бытия мог ли поэт обойтись без этих раздумий над неразрешимыми, неотвратимыми загадками жизни? Ностальгия по прошлому его угнетала.

*Мир покинули мужи, того стана не осталось.
Друг за другом все ушли, гулистана не осталось.
Молнией сверкнув, погасли светоносные умы,
Даже горсточка золы с каравана не осталось...
Из чернилиц у премногих попросту тебла вода,
Ни пера, ни златоустов, ни дастана не осталось.
И молчит перо Саиба, нет ценителя стиха,
Потому и сокрушаться постоянно мне осталось.*

Агафангел Крымский, один из лучших знатоков средневековой восточной поэзии, арабских, персидских, тюркоязычных устатов назвал Саиба Тебризи «учителем всех персидских поэтов семнадцатого века». Но и у учителя были учителя. Теперь он остался без них.

«Иных уж не, а те далече, – как говаривал Саиб. Он не был одним из тех отшельников, «забившихся в угол», он был из деятельных творцов. Ещё в молодые годы он говорил о полёте, точнее, а взлёт, о вознесении, упоительном причащении к горным мирам, которое суждено лишь избранным божьим созданиям. И он следовал своему кредо, своему стремлению ввысь. И заблаговременно, до последнего срока приготовления к вознесению поэзии в небо, во все орбиты вечности. Дух его был крылат, и крылья у него были сильные, и он воспарил, вознёсся... Более чем три века тому назад.

И тогдашняя Земля была совершенно непохожа на нынешнюю планету. И поэт, чьё имя и слово остались на устах людей, до сих пор и поныне продолжает свой полёт».

Такими вот западающими глубоко в душу и сердце словами, которые мы читаем на странице 636, завершает автор книги академик Рафаэль Гусейнов свой рассказ о нашем соотечественнике, жившем творившем в далёком семнадцатом веке.

Продолжение следует.

Подготовила
Медина ГАСАНОВА.